

М. М. БРОДНЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЯМАЛЬСКИХ НЕНЦЕВ

Из народностей Крайнего Севера ямальские ненцы были в прошлом одной из наиболее отсталых. В их экономике, общественных отношениях и бытовом укладе вплоть до перехода к социалистическим формам хозяйства сохранялись в той или иной степени разложения многие черты родового строя. Ряд русских и иностранных исследователей, писавших о ненцах, отмечали наличие у них родовой организации, экзогамии, родового наследования, обязанность сородичей оказывать друг другу помощь и т. д.¹

Существенным недостатком как дореволюционной, так и советской литературы о ненцах является крайне слабое освещение их земельных и имущественных отношений; между тем, эти отношения дают конкретное представление о процессе разложения родового строя, о начавшемся классовом образовании, о своеобразии условий, в которых проходил переход ненцев на социалистический путь развития. Здесь мы попытаемся несколько восполнить этот пробел.

Земельные отношения у ненцев сложились своеобразно: в одних местах сохранялось родовое владение угодьями, в других сложилась соседская община и отмечены, правда немногие, случаи перехода рыболовных угодий в частную собственность.

Б. М. Житков² установил, что в 1908 г. территория Ямала была распределена между родами следующим образом: побережье Байдорацкой губы от устья Ензар-яха до устья Юрибея занимали роды Ламдо, Худи и Сэратэтта, среднюю часть полуострова от верховья Хадаты и Яхады-яха до Юрибея — род Вануйта, район мыса Каменного — род Сусой, Обское побережье от мыса Каменного до Сось-яха — род Езенги, побережье Обской губы от Сось-яха до Се-яха — род Няруй, среднее и нижнее течение Се-яха — род Вануйта, побережье Байдорацкой губы и Карского моря от устья Юрибея до Мара-Сале и среднее течение Ясовей-яха (приток Юрибея) — род Сэратэтта и другие, верхнее течение Ясовей-яха — род Худи, верхнее течение Морды-яха — род Ламдо, среднее и верхнее течение Се-яха — род Хороля, побережье Карского моря от Мара-Сале до устья Се-яха и нижнее течение Се-яха — род Окатэтта, район Яптик-яха и Хабей-яха — род Вэнга, северо-западный угол между Яхады-яха и Пангюнте-яха — род Ямал, район между реками Тамбей-яха и Ненгзута-яха — род Тусяда, среднее

¹ Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Госполитиздат, 1952, стр. 135) указал, что Мак-Леннан в общем правильно описал родовую строй у самоедов (ненцев). Много места отведено родовым отношениям у ненцев в работах Дунина-Гаркавича («Тобольский север», Тобольск, 1913), а также Дмитриева-Мамонова и Голодовникова («Памятная книжка Тобольской губернии за 1884 год»). Наличие признаков родовой организации у ненцев отмечено Лепехиным, Иславиным, Кастреном, Шренком, Палласом, Зуевым, Житковым и другими авторами. Сводный характер имеет статья Г. Д. Вербова «Пережитки родового строя у ненцев». Сб. «Сов. этнография», II, М.—Л., 1939).

² Б. М. Ж и т к о в, Полуостров Ямал, СПб., 1913.

и нижнее течение Вануй-яха — род Яунгат, среднюю часть полуострова от озера Ней-то до верховьев Тамбей-яха — роды Окатэтта и Вануйта, участок между Харасавей-яха и Пухуце-яха — род Окатэтта, участок между Пухуце-яха и Пангхюнте-яха — род Яптик³.

Б. М. Житков сделал правильные наблюдения в отношении системы землепользования у ненцев. «Распределение территории между родами,— писал он,— и места стоянок отдельных чумов не абсолютно постоянны. Случается, что чум в силу тех или иных причин вовсе перемнит место летней стоянки, передвинувшись даже на территорию чужого рода. Но в общем самоеды, подобно владельцам рыболовных угодий в дельте реки Оби и нижеобским осяткам, считают себя вотчинниками, и каждый хозяин чума укажет точно (по урочищам) границы своих пастбищ, а равно и владения своего рода... В черте своих владений самоед ловит рыбу в озерах, гоняет линных гусей и считает своей неотъемлемой собственностью песцовые норы, вблизи которых ставит слопцы и капканы»⁴.

В северной части Ямальского полуострова этот порядок землепользования сохранялся еще некоторое время и при Советской власти. К 1935 г. ненцы уже знали, что земля является собственностью государства и на вопрос о принадлежности земли отвечали: «Земля ничья, земля всех людей». Работники Ямальской культбазы собрали материалы о пользовании пастбищами, расположении слопцов и установили, что на северном Ямале каждый оленевод выпасает стадо примерно на одной и той же территории, занятой хозяйствами данного рода. Слопцы сородичей также были распределены в определенных местах. Расположение слопцов явно показало границы территории, используемой каждым отдельным хозяйством и родом. Слопцов чужеродцев здесь обнаружено не было. Слопец был, пожалуй, единственным «оседлым» орудием труда в кочевом ненецком хозяйстве, и затрачивать много времени на его устройство мог только тот ненец, который постоянно использовал данную территорию.

Землепользование имело строго определенный традиционный порядок. Так, обычай запрещал бить зверя на территории другого рода. В 1936 г. мы ехали по земле рода Яптик и повстречали стадо диких оленей. У возчика Осорма Окатэтта была винтовка, но на наше предложение стрелять в оленей он ответил удивленным взглядом и сказал: «Здесь стрелять нельзя, это земля Яптиков, они сами убьют их».

Работниками Ямальской культбазы в 1935 г. было установлено следующее распределение территории северной части Ямальского полуострова.

1. Район от Юрибея до Ясовей-яха с юга на север и от побережья Обской губы до среднего течения Се-яха и Ясовей-яха и до верховьев Юрибея с востока на запад занимал род Вануйта.

2. Район между Ясовей-яха и Поруй-яха с юга на север и между Обской губой и верховьями рек Сяорма-яха, Сэр-яха, Поруй-яха и средним течением Ясовей-яха с востока на запад занимал род Серпива.

3. Угодья в границах от Поруй-яха к среднему течению Вануй-яха и далее к нижнему течению Сабэто-яха, с одной стороны, и побережью Обской губы, с другой, использовал род Яунгад.

4. Земли в границах от устья Недерма-яха к среднему течению Тамбей-яха, затем к верхнему течению Хасей-яха вниз по последней до устья и по побережью Обской губы к устью Недерма-яха занимал род Тусяда.

³ Г. П. Артеев в статье «Кочевье оленеводов северо-западной части Обдорского района» (Сб. «Урал», 1927) дал иное распределение родов на территории Ямала, но материалы Ямальской культбазы и землеустроительной экспедиции 1936 г. показали, что более правильными являются данные Б. М. Житкова.

⁴ Б. М. Житков, Указ. раб., стр. 102.

5. Земли в границах от среднего течения р. Тамбей к истокам Яхды-яха, по последней до устья, далее по побережью пролива Малыгина и Обской губы до Хабей-яха, по Хабей-яха до ее верхнего течения и, наконец, к среднему течению Тамбей-яха занимал род Вэненга (Венга).

6. Значительную территорию занимал на северном Ямале род Окатэтта. Граница его владений шла от среднего течения Вэнуй-яха, поднималась по ней до верховьев, затем водораздельным хребтом касалась верховья Тамбея, отсюда шла к верховьям Пясадай-яха и спускалась по Пясадай-яха до устья; берегом Карского моря и проливом Малыгина эта граница продолжалась до устья Яхды-яха, поднималась по ней до истоков и затем шла к среднему течению Тамбея, отсюда к устью Недерма-яха и, наконец, поднималась километров на 30 по Себэте-яха, вела к среднему течению Вануй-яха.

7. Западную часть северного Ямала от Хоя до побережья Карского моря и от Се-яха до Пясадай-яха занимал род Яптик.

Материалы землеустроительной экспедиции также подтвердили наличие родового землепользования и указанные границы родовых владений у североямальных ненцев. Сравнивая распределение территории северного Ямала между родами в 1935 г. с данными Б. Житкова, мы видим, что за 27 лет особых изменений в этом отношении не произошло.

Как уже указывалось, хозяйства использовали строго определенные участки родовой территории, которая была как бы поделена между сородичами. Однако, если ненец лишился оленей, тот, кто нуждался в смене или расширении пастбищ, занимал его участок, даже не спрашивая согласия прежнего владельца. Этот порядок позволял крупным оленеводам захватывать большую и лучшую часть площади. Таким образом, если границы родовых владений были сравнительно устойчивыми, то распределение пастбищ между сородичами часто менялось.

Случаи сдачи в аренду пастбищных участков или других аналогичных способов извлечения выгоды из права владения ими нам неизвестны. Бывало, что из-за гололедицы, эпидемии или по другой причине некоторые оленеводы перегоняли свои стада на чужую территорию, случались и споры на этой почве, но владельцы пастбищ требовали только ухода чужеродцев, у них и мысли не возникало о получении материальной компенсации за пользование их угодьями. В 1934 г. на Ямал перешло из Гыдаямской тундры восемь хозяйств, вклинившихся во владения рода Окатэтта. Владельцы пастбищ сказали им: «У нас мало ягеля, самим нехватает, уходите». Так как пришельцы медлили с уходом, Окатэтта обратились к заведующему районным земельным отделом, недавно приехавшему на Север и не знавшему местных обычаев. Он предложил гыдаямовцам вернуться на прежние места, а владельцам пастбищ посоветовал подать заявление в суд и взыскать за потраву. Ненцы долго не могли понять, что это значит, а когда поняли, сказали: «Такого дела у нас не бывало, как можно требовать деньги за то, что их олени ели ягель на наших пастбищах».

Ненцы относились к земле как к общей собственности, и сложившийся порядок землепользования охранялся соответствующими правовыми нормами.

Родовое владение угодьями не означало, что все члены рода обитали вместе. Как правило, род разобщался на группы, занимавшие определенные участки. Так, в средней части Ямальского полуострова, от верховьев Хадаты и Яхды-яха до Юрибея, кочевала одна группа рода Вануйта, а в районе протоки Юмба обитала другая группа этого же рода. Одна часть рода Окатэтта владела угодьями на побережье Карского моря, от Мара-Сале до Се-яхи, другие же — в районе протоки Мура и Горного Хаманела; расстояние между этими угодьями составляло более 600 км.

В 1936 г. на некоторых родовых угодьях имелись хозяйства, принадлежавшие к другим родам. При выяснении оказалось, что у ненцев с давних времен существует обычай, разрешающий хозяйству пользоваться угодьями рода жены. По этому обычаю часть сородичей кочевала с хозяйствами других родов.

Если на севере Ямальского полуострова родовое землепользование сохранялось до коллективизации, то на юге Ямала оно было нарушено в первом же десятилетии после установления Советской власти. В 1935 г. на территории, ранее занимаемой родом Вануйта, мы обнаружили хозяйства из родов Лапсуй, Анагуричи, Езенги и Пуйко. Такое же положение создалось и на других, в прошлом родовых, угодьях. Упразднение ясака, ростовщичества, обменной торговли позволило многим береговым хозяйствам изменить род занятий: они смогли осуществить свою вековую мечту — обзавелись оленями. Ямальская землеустроительная экспедиция правильно отметила, что «после 1920 года целый ряд хозяйств родов Пуйко, Езенги, Вануйта, занимавшихся ранее рыбным промыслом, обзавелись оленями, ушли в тундру и нарушили трудовое землепользование»⁵.

У приуральских и надымских ненцев родовое пользование угодьями нарушилось еще раньше, будучи вызвано переходом на их пастбища во второй половине XIX в. значительного числа оленеводов коми. Их приход вызвал перераспределение пастбищ и переход от родового пользования угодьями к территориально-общинному, при котором определенную площадь использовали несколько неродственных между собой хозяйств. Материалы землеустроительной экспедиции дают полную картину размещения хозяйств в Приуральской и Надымской тундре. По соседству со стадами ненцев Соляндер, Ядне и Поронгуй выпасались стада коми Канева, Сверчкова и др. На территории, занятой несколькими хозяйствами, определился наиболее целесообразный порядок использования кормовых площадей, установились маршруты кочевий, проходные пути и т. д. Хотя границы угодий были определены точно, земля не считалась собственностью владельцев; освобождающиеся участки безвозмездно занимали другие оленеводы.

Надо иметь в виду, что хозяйства, занимающие общинную территорию, были связаны между собой не только совместным владением земель. Отсталость хозяйства требовала объединения людей. Соседи по земельным участкам коллективно добывали загоном песка, совместно выезжали на добычу линной дичи, общими усилиями устраивали заторы на реках для ловли рыбы, объединяли стада оленей для совместного выпаса, создавали рыбацкие артели и т. д., а также оказывали друг другу разного рода взаимопомощь.

Таким образом, соседская община держалась не только совместным владением земель, но и прочными взаимными экономическими связями, коллективным трудом.

В Тазовском районе имелись огромные площади неиспользуемых пастбищ. Это вызвало приток оленеводов из других мест, многие хозяйства перешли с Енисея. Ко времени проведения землеустройства (1936 г.) родовое землепользование в Тазовской и Гыдаямской тундре было нарушено, хотя и сохранилось преобладание семей того рода, который в прошлом владел этой территорией. В 1936 г. в Гыдаямской тундре из 41 семьи 21 принадлежала к роду Салиндер, а большинство хозяйств, кочевавших на полуострове Евай, принадлежало к роду Евай. Общинного пользования угодьями здесь еще не сложилось, пришлые хозяйства переходили с места на место, часть прежних владельцев откочевала в поисках новых угодий; создалось беспорядочное земле-

⁵ Сводная работа подотдела землеустройства Ямальского Окружного земельного отдела.

пользование, при котором некоторые пастбищные площади, особенно вблизи факторий, быстро истощились.

Таким образом, в отношении пастбищных угодий у ненцев к периоду развертывания коллективизации наблюдалось разное положение: в одних местах сохранилось родовое владение, в других шел процесс разложения этой формы, в третьих сложилось общинное землепользование.

На охотничьих угодьях мы останавливаться не будем: большинство ненцев промышляло в тех же местах, где выпасало оленей, и отношение к песцовым угодьям определялось отношением к пастбищам. Только у лесных ненцев, для которых охота была основным занятием, охотничьи угодья имели самостоятельное значение, и интересы оленеводства не всегда учитывались при их выборе.

Изменение земельных отношений можно проследить на примере рыболовных угодий. До появления рыбопромышленников эти угодья были родовыми. Часть безоленных и малооленных ненцев переставала кочевать по тундре, поселялась около рек и занималась ловлей рыбы, охотой; они не теряли связи с другими группами сородичей и в порядке взаимопомощи или обмена получали от тундровых хозяйств продукцию оленеводства, а взамен давали им рыбные продукты.

Рыбные ловли распределялись между родами следующим образом: по Оби Верхние и Малые Яры и Хале-Пугор использовались родом Езенги, Индийские салмы и о. Пуко — родом Пуйко, песок Наричи — родом Наричи, протока Юмба — родом Вануйта, протока Мура — родом Окатэтта, Лайские салмы — родом Яптик; по Тазу ловли от верхних Яров до Хальмерседе — родом Харючи, ловли от Харо-Вануй до верхних Яров — родом Марик, ловли от Хальмерседе до устья Таза — родами Яр, Порангуй и Ламдо.

С приходом рыбопромышленников право владения угодьями стало приносить доход — арендную плату. В 1914 г. ненцы сдавали в аренду 53 угодья. Арендная плата обычно распределялась между теми хозяйствами, которые жили в прибрежной зоне; оленеводы на эти доходы не претендовали. Полученные в 1914 г. деньги за аренду рыбных угодий распределялись так: 2650 руб. за пески Ватынги и Варкута получили 35 хозяйств рода Юганпелик; 1700 руб. за пески Сале-Мал и Малые Яры — 5 семей Езенги; 400 руб. за угодье Ямбура — 2 семьи Хуненги; 40 руб. за Наричинский песок — 3 семьи Наричи; 30 руб. за Горно-Хамачельский песок — 4 хозяйства Окатэтта и т. д.

Большая часть рыболовных угодий фактически перешла в собственность отдельных групп сородичей, которые получали с них доходы и распределяли между собой. Как бы в дополнение к арендному договору промышленник предоставлял владельцам песков орудия лова и лодки, за что ему приходилось отдавать половину добытой рыбы (испольщики назывались полуневодчиками). С развитием промыслов и арендных отношений экономическая связь между береговыми и тундровыми сородичами ослабевала и во многих случаях прекращалась.

Перед революцией круг людей, коллективно владевших рыбными угодьями, был уже замкнут. По отношению к рыбным угодьям новые выходцы из тундры оказались в ином положении по сравнению с их сородичами, ранее осевшими в береговой зоне. Вновь пришедшие не получали доли при распределении денег за сдачное в аренду угодье, не допускались в число полуневодчиков, получавших от промышленника некоторые преимущества по сравнению с другими рыбаками, им приходилось браться за любую работу на промыслах или артельно ловить рыбу своими убогими орудиями. Они находились в худшем положении по сравнению с «вотчинниками» (т. е. владельцами угодий). Старый рыбак Тимофей Яр рассказывал, что когда его сородичи, считавшие себя владельцами родового угодья, не приняли его к себе на равных с ними правах, он обращался к старшине, но тот ответил, что ничего

не может сделать: они давно живут в этих местах и уже как бы выделились из рода. Дунин-Гаркавич приводит ряд случаев обращения в суд по спорам из-за рыбных ловель и сообщает, что русские судебные органы становились на сторону тех, кто раньше завладел угодьями⁶.

Приведенные факты показывают, что в бассейнах промышленного рыболовства большая часть угодий из общеродовой собственности превратилась в собственность определенной группы сородичей. Все хозяйства, сдававшие в аренду рыбные ловли, сами коллективно добывали рыбу, т. е. совместное владение участком дополнялось совместным трудом. Такая община сохранила многие признаки родовых отношений, в частности уравнильное распределение продуктов совместного труда. Однако с проникновением промышленного капитала происходило разложение и этой формы — шел процесс перехода угодий в частную собственность. При этом сокращалось число хозяйств в группе, владеющей угодьями: так, песком Ямбура некогда владел больше десяти хозяйств, в 1914 г. он принадлежал двум семьям, а в 1917 г. — только одной семье. Некоторые угодья прямо захватывались отдельными сородичами. Так, угодье Пуйко, по рассказам ненцев, с давних времен принадлежало роду Пуйко: здесь проводили зиму и лето безоленные и малооленные ненцы. С появлением рыбопромышленника Плотникова все дела по аренде и расчетам с ним повел наиболее предприимчивый ненец Хасово Пуйко. Пользуясь своим положением, он стал оставлять большую часть арендной платы себе и только меньшую делить среди сородичей; его сыновья уже брали себе все доходы от сдачи угодья, а перед революцией единственным собственником угодья был Алексей Пуйко, сдававший его в аренду и совершенно не делившийся доходами с сородичами.

Так среди ненцев появились собственники, присвоившие родовые владения и жившие на нетрудовые доходы. Этот процесс быстрее шел там, где угодья были разделены на отдельные участки, используемые отдельными семьями. На Оби отмечено мало случаев перехода угодий в частную собственность. Напротив, среди тазовских и лесных (пуровских) ненцев богатые хозяйства часто захватывали рыболовные места и не позволяли другим не только рыбачить, но и охотиться на их угодьях.

Взгляд на захваченные угодья как на собственность неизбежно должен был породить продажу угодий. Действительно, в предреволюционные годы имело место несколько случаев продажи тазовскими ненцами рыболовных угодий купцу Мамееву и местным богатым Мясю Салиндеру и Ямкуну⁷.

Все же в целом переход угодий в частную собственность и тем более продажа их даже перед самой революцией еще не получили у ненцев широкого развития. Как правило, сохранялось родовое и общинно-соседское землепользование, причем надо иметь в виду, что территориальная община ненцев значительно отличалась от современной ей русской земледельческой общины. Для ненецкой общины были характерны не только общее владение землей, но и коллективные формы труда, общность некоторых средств производства, уравнильное распределение продуктов совместного труда. Ненецкая община не знала переделов земли, имевших место в русской общине.

К. Маркс в набросках писем к В. Засулич указывал: «Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот они представляют собою ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по тилу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»⁸. Несомненно, ненецкая об-

⁶ А. А. Дунин-Гаркавич, Тобольский север, Тобольск, 1913.

⁷ По материалам отдела землеустройства Ямальского Окружного земельного отдела.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 693.

щина являлась более первобытным социальным образованием, чем более или менее современная ей русская община.

С первого взгляда создается впечатление, что отдельное ненецкое хозяйство являлось экономически самостоятельным, но при внимательном ознакомлении становится ясным, что процесс выделения семьи из рода полностью не закончился. Даже перед коллективизацией сохранились многие нити, связывавшие отдельные семьи с родом: коллективный труд, общее владение средствами производства, взаимопомощь и т. д. Только коллективными усилиями обеспечивался успех охоты на диких оленей, морской зверобойный промысел, лов линной дичи и т. д. У ненцев были распространены рыбацкие артели и загонный лов песка (талара). «Этот первобытный тип коллективного или кооперативного производства,— писал Маркс относительно русской общины,— был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»⁹.

Одной из форм коллективного труда в оленеводстве была парма — объединение по совместному выпасу оленей. Пармы бывали устойчивыми объединениями, когда в течение нескольких лет одни и те же хозяйства совместно выпасали оленей; бывали и кратковременными, когда стада объединялись только на «комариный» период. Нередко в парму объединялись три-четыре хозяйства, причем часть людей выпасала оленей, а другая уходила на рыбные промыслы. На Ямале Алексей Вануйта, Лука и Павел Анагуричи ежегодно на весенне-летний период объединялись в парму, а высвободившиеся люди занимались рыбным промыслом. Осенью каждая семья забирала своих оленей и уходила к местам охоты. В этом случае парма облегчала борьбу за существование.

Уровень развития производительных сил и обусловленные им коллективный труд и общее владение средствами производства вели к уравнительному распределению продуктов труда. До коллективизации мне приходилось наблюдать за жизнью многих рыбацких артелей. Пять-семь семей объединялись в артель, каждая вносила 20—30 м невода, эти части шивали, и получался коллективный невод. Когда рыбаки возвращались с добычи, из каждого чума выходили женщины и брали рыбы столько, сколько надо было их семье до следующего улова. Большесемейные брали значительно больше, и это ни у кого не вызывало возражения. Обычно в местах промысла проживали и те семьи, в составе которых не было рыбаков, но они также брали из улова нужное количество рыбы, и ни у тех, кто рыбачил, ни у тех, кто брал рыбу из добычи, в которой не участвовал, даже и мысли не возникало о несправедливости такого порядка. Полученные за сданную рыбу деньги делили только между рыбаками, но делили поровну; дряхлый старик или подросток получали столько же, сколько и башлык — руководитель лова.

Этот порядок сохранялся первое время и в колхозах. Потребовалось несколько лет, чтобы добиться распределения продуктов по количеству и качеству затраченного труда. Когда указывали на несправедливость уравнительного распределения, ненцы обычно отвечали: «У нас такой обычай, я не могу показать себя скупым и жадным, есть-то всем надо».

Проявлением уравнительного распределения было и проживание немущих в чумах сородичей. Ненец, ставший по той или иной причине немущим, шел со своей семьей в ближайший чум и жил там годами, а нередко и всю жизнь. Он считал себя вправе жить у сородича, а хозяин чума терпеливо мирился с этим. Пришелец принимал участие в работе, питался вместе с семьей хозяина, при нужде получал от него одежду.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 681.

Отказ нуждающемуся в помощи осуждался общественным мнением как самый тяжкий поступок — воровство или нарушение экзогамии. Плохой или хорошей славой человек прежде всего был обязан своим отношением к взаимопомощи. Обязанность взаимопомощи являлась важной частью правовых норм ненцев. Если в классовом обществе помощь в виде милостыни или подачки — всегда проявление филантропии, то у ненцев обязанность сородичей оказывать друг другу помощь являлась всеобщим законом. Это отмечено многими исследователями (Зуевым, Житковым, Дуниным-Гаркавичем, Вербовым и другими). За многолетнюю жизнь с ненцами и мне приходилось наблюдать много случаев трогательной заботы этих людей о своем собрате.

Хозяйство отдельного ненца не только не являлось экономически самостоятельным, но и не было экономически цельным. Для ненецкой семьи было характерно раздельное владение супругов своим имуществом.

Значительную часть самого ценного имущества в хозяйстве — оленей — составляла собственность жены. Это были олени, полученные женщиной в приданое при выходе замуж; впоследствии число их пополнялось как за счет естественного прироста, так и за счет новых подарков, полученных от родителей. Вот несколько примеров распределения оленей между мужем и женой (по данным, собранным Ямальской культбазой в 1936 г.). • В хозяйстве Окатэтта Хасе собственность жены составляли 67 оленей из 349; в хозяйстве Окатэтта Хасоварнга — 48 из 322, в хозяйстве Яптика Тындики — 38 из 132, в хозяйстве Молоко Окатэтта — 200 из 246. Олени жены, помимо общей пометки для всего стада — на боку оленя, имели особую пометку — на ушах.

Хозяйственный инвентарь и добыча были также раздельны. Мужчине принадлежали ружья, сети, капканы, лодка, т. е. все орудия охоты и рыболовства. Ему же принадлежала продукция охоты и рыболовства: пушнина, рыба, шкуры морского зверя и т. д. Домашняя утварь принадлежала женщине, даже в том случае, если эта утварь была сделана мужчиной (например, скребки, доски, мялки для выделки шкуры). Выделанные шкуры и сшитая меховая одежда, даже та, которую носил муж, принадлежали жене. У женщины были собственные нарты, на которых она ездила сама и возила детей; ей же принадлежали нарты, на которых возили чум и домашнюю утварь. Чум обычно был совместной собственностью мужа и жены: без согласия последней муж не мог распорядиться чумом, продать его или передать во временное пользование. Важным следствием такого порядка владения имуществом было то, что жена и муж являлись экономически равными партнерами в своем супружеском союзе: каждый выполнял определенные работы, каждый являлся собственником результатов своего труда и своей части имущества.

Раздельное владение имуществом в семье было связано с сохранившимся до установления Советской власти и проведения коллективизации естественным разделением труда. Изучение этого вопроса на Ямальском полуострове в 1936 г. показало, что все работы, связанные с ловом рыбы, охотой и изготовлением средств производства, являлись мужским занятием, и, наоборот, все работы, связанные с так называемым домашним хозяйством, были занятием женским. Так, вязание сетей, работа легкая, выполнялась исключительно мужчинами, тогда как заготовка топлива и устанска чума, работа тяжелая, считалась обязанностью женщины. Единственным видом мужских занятий, в котором участвовала женщина, была охота на песца загоном, но и здесь роль ненки сводилась к тому, что она была загонщиком.

Раздельному владению имуществом соответствовал определенный порядок наследования. В 1935—1937 гг. работниками Ямальской культбазы было установлено, что по ненецкому обычаю после смерти жены

ее имущество, в том числе и олени, становилось собственностью дочерей (пережиток наследования по женской линии), если дочерей не было — сыновей и только в случае отсутствия детей имущество переходило к мужу. В несколько ином положении находилась жена. Она могла быть наследницей мужа, если у него не было детей, но наследство в этом случае равномерно распределялось между женой и братьями умершего. Здесь мы видим расширение мужского права и ущемление прав женщины. Если имелись маленькие дети, жена распоряжалась имуществом умершего мужа на правах опеки, и когда дети вырастали, передавала им его имущество.

В целом, таким образом, шел все еще не закончившийся процесс превращения семьи в самостоятельную экономическую единицу.

Несмотря на сохранившиеся родовые связи, ненцы вступили в советскую эпоху далеко не равными по своему имущественному положению. Имущественное неравенство перед революцией приняло такой характер, что основная масса ненцев была малооленной, а небольшое число крупных оленеводов владело огромным поголовьем.

По данным переписи 1926 г., хозяйства ненцев по наличию в них оленей распределялись следующим образом:

Число оленей	Хозяйства, %	
	оседлые	кочевые
До 10 голов	61,7	17,7
11—25 голов	19,7	22,4
26—50 голов	9,8	18,4
51—100 голов	5,2	14,8
Больше 100 голов	3,6	26,7
	100,0	100,0

Эти данные показывают, что 73,3% кочевых хозяйств имели менее 100 голов, 58,5% — менее 50 оленей, 40,1% — менее 25 голов. Более половины ненецких хозяйств не могли самостоятельно кочевать по тундре. На Ямальском полуострове крупные хозяйства оленеводов, составлявшие 7% общего числа хозяйств, имели 50% общего поголовья оленей. К 1935 г. число оленей в многооленных хозяйствах сократилось в результате проведенных ограничительных мер, но, как показывают материалы землеустройства, 6,6% оленеводов все еще владели 26,9% общего поголовья оленей. На северном Ямале на хозяйство крупных оленеводов в среднем приходилось 16 слупцов, на хозяйство малооленных — 4.

Уравнительное распределение и взаимопомощь несколько сглаживали различия между бедными и богатыми. Не случайно среди ненцев не было профессиональных нищих. Малооленные хозяйства, не имевшие возможности кочевать самостоятельно, могли существовать с помощью более обеспеченных. Родовые традиции до некоторой степени сдерживали развитие частнособственнических отношений. Но взаимопомощь, будучи явлением диалектически противоречивым, имела и другую сторону. Нельзя было требовать платы за оказанную помощь, но в то же время получивший ее не мог уклониться от тех или иных услуг оказавшему эту помощь.

С развитием имущественной дифференциации родовая взаимопомощь подверглась принципиальным изменениям, и формы ее использовались верхушкой ненецкого народа в своих интересах. Так, крупные оленеводы принимали в парму малооленных, а по сложившемуся обычаю объединявшиеся хозяйства пасли стадо по очереди, независимо от того, что одному принадлежало 30, а другому 1500 голов. Используя родовые

обычай, богатые оленеводы имели бесплатную рабочую силу. Еко Анагуричи, крупнейший оленевод Надымской тундры, имел 10 тыс. оленей, разбитых на несколько стад. Для выпаса их он привлек около тридцати семей бедняков, которые получали от него питание и одежду. Вануйта Паними имел около 3 тыс. оленей, и его стадо выпасали четыре безоленные семьи.

В литературе о ненцах часто говорится о батраках в тундре. Однако при изучении форм эксплуатации ненецкой бедноты не обнаружено ни одного случая, чтобы безоленный бедняк и хозяин стада определили условия труда — срок, размер оплаты и т. д., как это делалось при найме батраков в русских селениях. Бедняк приходил в чум богатого оленевода и начинал работать, ни о чем не договариваясь и ни на что не претендуя — он пытался, получал одежду, работал. Характерно, что пушнина, добытая пастухами, отдавалась хозяину и он поступал с нею по своему усмотрению. Когда пастух уходил от хозяина, он ничего не получал, даже если в течение многих лет трудился в этом хозяйстве; имущество, созданное его трудом, оставалось собственностью владельца стада.

Часто крупный оленевод принимал непосредственное участие в работе, одинаково со всеми питался и одевался. Он выделялся из числа остальных тем, что распоряжался всеми делами хозяйства, вел «внешние сношения», ездил на ярмарку, продавал продукцию хозяйства, покупал необходимые товары. Но было немало хозяйств, где и внешняя сторона отношений между хозяином и работниками утратила видимость равенства. Вот несколько примеров. Вануйта Паними в 1933 г. имел две тысячи оленей, и трое безоленных ненцев пасли его стадо. Хозяин не работал, сидел в чуме, ездил по гостям; кормил он пастухов отдельно и не платил им. В 1933 г. Сергей Ламбай, живший три года у богача Пончи Окатэтта, обратился в народный суд. На суде выяснилось, что Окатэтта кормил его отдельно от семьи плохой пищей, неоднократно бил, а однажды ударил по голове суковатой палкой.

Некоторые ненцы проявляли значительную активность в извлечении выгод из своего имущественного превосходства перед остальными. Для иллюстрации возьмем хозяйство Высида Окатэтта. Он имел 807 оленей, 25 нартов, 25 комплектов сбруи и чум; стоимость его имущества, по оценке 1934 г., определялась в 17 650 руб. Все работы в его хозяйстве выполняли проживавшие в чуме безоленные ненцы Высоконя Окатэтта и Найдены Окатэтта, которые выпасали оленей и промышляли песца, ничего за это не получая. Высида Окатэтта сам не работал, разъезжал по чумам и дешево скупал у соседей, которые имели мало оленей и не могли ездить на значительные расстояния, пушнину, перепродавая ее затем по дорожной цене на фактории. В 1934 г. он перепродал 82 песцовые шкурки.

Известны характерные случаи превращения взаимопомощи в свою противоположность — в определенную форму эксплуатации. Сади Окатэтта имел 1500 оленей и раздавал их в «подерпо». За это он получал пушнину; кроме того, как правило, он давал необученных к езде быков, получая их обратно уже обученными.

Ненецкое народное творчество в разных вариантах отражает имущественную разнь, несправедливость богачей и борьбу с ними бедняков. В сказке «Три Нохо» рассказывается, как в одном чуме жили Нохо, имевшие 3 тыс. оленей, и сирота Хороля. Хороля «все время оленей караулит... в чум придет не ест, внутри чума не живет, живет у входа, где поленья сложены... сестра Нохо потихоньку кусочки мяса приносит и дает ему»¹⁰. Дальше рассказывается о том, как бедняк Хороля боролся с богатым Нохо.

¹⁰ Г. Д. Вербов, Ненецкие сказки и былины, Салехард, 1937.

В развитии ненецкого общества шла борьба взаимно противоречивых общественных сил: с одной стороны, родовые традиции, прежде всего различные формы взаимопомощи, поддерживали родовые связи и несколько сглаживали социальные противоречия; с другой — среди сородичей выделилась группа богатых людей, использовавших родовые формы в своих интересах. Разбогатевшие сородичи, стремясь извлечь личную выгоду из своего имущественного превосходства, уклонялись от помощи нуждающимся. Родовые связи мешали им увеличивать богатство, и они старались оторваться от рода, противопоставить родовым интересам свои личные. При сохранявшейся родовой идеологии такое поведение вызывало протест и попытки принуждения разбогатевших к соблюдению родовых порядков. В этом отношении представляет интерес движение Ваули, продолжавшееся более четверти века, с 1825 по 1856 г.

Предания ненцев и архивные документы позволяют сделать вывод, что движение, связанное с именем Ваули, было вызвано прежде внутренними противоречиями разлагавшейся родовой организации, обострившимся имущественным неравенством, отрывом обогатившейся части сородичей от народа и нарушением ею родовых обычаев. Это было движение обедневших сородичей, направленное на восстановление родовых порядков. Во всех вариантах ненецких сказаний о Ваули указывается, что ненцы «Ваули главным над собой выбрали, у богатых стали оленей отбирать и между собой делить. Хорошо зажили — есть на ком ездить, вдоволь мяса стало, теплая одежда у всех стала»¹¹.

Все приведенные данные показывают, что в XIX — начале XX в. классовые отношения у ненцев своеобразно переплетались с классовыми, находившимися в процессе формирования. К ненцам этого времени применимо положение Ф. Энгельса о том, что «в рамках этого расчленения общества, основанного на узах родства, все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, различия в богатстве, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым — основа классовых противоречий...»¹².

SUMMARY

Data on the system of land tenure among the Nentsy of Yamal Peninsula in the 19th and early 20th century show that in some areas a tribal system of land tenure was preserved, while in others it was disintegrating; in some areas territorial communities were taking shape while elsewhere the fishing and hunting grounds gradually passed into private ownership. The literary sources analysed by the author and also his personal observations go to show that in the period under review the Nenets family had not yet become a fully independent economic unit and retained many ties binding it to the tribal or territorial community (collective labour, joint ownership of certain means of production, different forms of mutual aid). Neither was the family economically integral: a characteristic feature was the separate ownership of property by each of the spouses, which also determined the order of inheritance.

Statistical data cited in the article, as well as factual material, confirm the existence of a considerable differentiation in wealth among the Nentsy and of a struggle between mutually opposite forces — the tribal ties and traditions, on the one hand, and the exploiter tendencies of those community members who had acquired wealth, on the other; pre-class and class relationships were intertwined, the latter still being in the process of formation.

¹¹ Подобный вариант записан и опубликован П. Авдеевым в журнале «Советская Арктика», 1936, № 5.

¹² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 4.